

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-21

Н.С. Жукова, Н.Л. Красикова

ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена лексическим средствам обозначения водных объектов в селькупском языке. В ней рассматривается этимология и классификация данных лексем и проводится их анализ, позволяющий выявить специфику восприятия окружающей действительности представителями селькупского этноса.

Ключевые слова: концептуализация; родовые/видовые лексемы; когнитивные классификаторы.

Селькупский язык, один из языков коренных народов Сибири, принадлежит самодийской группе уральской языковой семьи и на сегодняшний день является единственным сохранившимся языком южной ветви самодийской группы.

В соответствии с классификацией исчезающих языков малочисленных народов Российской Федерации А.Е. Кибрика, селькупский язык, по степени его «жизнестойкости» и опасности исчезновения, входит в четвертую из пяти предложенных им групп, от находящихся на грани вымирания (первая группа) до исчезающих в каждомдневном общении небольшими этническими группами (пятая группа). Языки данной группы характеризуются как относительно жизнеспособные и нуждающиеся в поддержке для того, чтобы они могли функционировать [1]. Однако данная классификация была предложена А.Е. Кибриком более пятнадцати лет назад, за это время произошли существенные изменения в социальной и лингвистической ситуации селькупов [10]. Например, по результатам экспедиции в Парабельский район Томской области (проведенной в январе 2008 г.) количество оставшихся носителей селькупского языка, проживающих на территории Парабельского района, составляет не более 3 человек [2]. В настоящее время этот язык, по видимому, следует уже переместить во вторую группу («языки, подверженные непосредственной опасности вымирания» [1]).

В связи с тем, что селькупский язык находится под угрозой исчезновения, представляется важным не только фиксировать его языковые средства, т.к. описание вымирающих языков является «единственной действительно безотлагательной задачей лингвистики» [3. С. 180], но и через анализ языкового материала исследовать то, каким образом представители селькупского этноса «перерабатывали» информацию о среде своего обитания и отражали её в языке, т.е. концептуализировали окружающий мир и в соответствии со своими коммуникативными потребностями вербализовали своё восприятие мира в языке.

Селькупы – это этнос, проживающий на территории Западно-Сибирской равнины, изобилующей лесами, озерами, болотами и изрезанной большим количеством рек. Основные водные магистрали – Средняя Обь с притоками Тым, Кеть, Чулым, Васюган, Парабель, Чая, Шегарка, а также река Таз. Наименования основных рек, на берегах которых проживали селькупы, определили некоторые

названия диалектов и говоров селькупского языка: кетский, тазовский, тымский диалект и др. [4, 5].

Селькупы издавна предпочитали селиться рядом с водой – это удобно и стратегически и экономически. Рыболовство являлось, наряду с охотой, главным промыслом, в связи с чем основным средством передвижения у селькупов была лодка (обласок). Сосредоточение промыслового интереса селькупов в основном на водоемах обусловило наличие богатой системы наименований различных видов рек, озер и болот.

В селькупском языке существует несколько слов со значением *река*. В первую очередь, следует отметить слово (1) *qj* (об.С., Ч., кет., тур.) ‘река, речка’ [6. С. 103], *kj* (таз.) ‘река’ [7. С. 52]. Оно встречается во всех диалектах селькупского языка, что указывает на его древние корни. Данная лексема активно участвует в образовании селькупских гидронимов: *Пекей-кы* – ‘рябчиковая речка’ [8. С. 21]; *Локес-кы* – ‘осо́вая речка’ (оса) [8. С. 23] и др.

Селькупский язык отличается разветвлённой системой обозначений рек, которые могут быть классифицированы по различным параметрам.

В первую подгруппу классификации входят лексемы, отражающие размеры реки:

(2) *kold* (об.Ш.) ‘большая река, р. Обь’, *kol'dy* (об.Ч.) ‘большая река, р. Обь’ [6. С. 47]; *qolty* (таз.) ‘большая, обычно текущая в море река’ [7. С. 52];

(3) *kbaj* (об.С.) ‘река, большая река’ [6. С. 40; 8. С. 239; 9. С. 8];

(4) *kike* (ел.) ‘река, небольшая речка’ [6. С. 44]; *kige* (об.Ш., Ч.) ‘река, речка, приток’ [6. С. 57], *kikā* (таз.) ‘ручей’ [7. С. 52].

Как видно из приведённых примеров, между лексемами существуют небольшие фонетические вариации, обусловленные их принадлежностью к разным диалектам.

Слова *kold*, *kbaj* «большая река» обозначали основные, самые крупные водные артерии, протекающие на территории проживания селькупов. В зависимости от места проживания носителей того или иного диалекта селькупского языка под этими лексемами понимаются рр. Обь и Таз.

Для южных селькупов главная река региона – Обь (*Kolta*, *Kβaj*) – является стержнем мироздания. Она – земное продолжение «каменной реки», текущей по небу и

видимой на земле в виде Млечного пути. Северные селькупы словом *kolta* называют любую большую реку, и у них не отмечена связь земной реки с Млечным путем [10. С. 369]. Река была для селькупов основной дорогой, соединяющей реальное и потустороннее пространство. Переправившись через устье реки, можно оказаться уже в ином мире – мире духов и, наоборот, найдя исток реки и перейдя через него, можно вернуться в реальный мир (Donner 1926, 104–106; цит. по: [10. С. 369]).

Следующая подгруппа – это лексемы, которые указывают на связь с озером, болотом или другой рекой:

(5) *n'arantabu* (кет.) ‘болотная речка’ [8. С. 69];

(6) *akka* (об.Ч., тым.) ‘протока’, ‘большое длинное озеро’, ‘старица’ [6. С. 13];

(7) *n'ari kjkko* (кет.) ‘ручей, текущий в болото’ [6. С. 162].

Отмеченные признаки, на основании которых выделены две вышеупомянутые группы обозначений рек, могут сочетаться, например, в таких словах, как (8) *kəl'čtj* (об.Ч.) ‘маленькая река между двумя озерами, место между двумя озерами, где течение очень большое’ [2]; (9) *kāty* (таз.) ‘небольшая река, перемежающаяся озерами и берущая начало из озера или болота’ [7. С. 52]. Данные лексемы выражают одновременно как размер реки, так и связь с озерами и болотами, а также направление течения (9) или его интенсивность (8). Признак направления течения выражен также в лексеме из первой подгруппы, где он сочетается с параметром размера реки. Ср.: *qolty* (таз.) ‘большая, обычно текущая в море река’ [7. С. 52].

Кроме отмеченных выше характеристик рек, наименование реки может выражать её глубину: например, слово (10) *āgurky* (об.Ш., об.Ч.) ‘неглубокая река’ [11. Т. 9. С. 571].

Следующая группа слов называет придаточные водоемы по отношению к основным рекам, выраженным лексемами: *qj* (об.С., Ч., кет., тур.) ‘река, речка’, *kj* (таз.) ‘река’, *qolty* (таз.), *kold* (об.Ш.) ‘большая река’, *kold* (об.Ш.) ‘большая река, р. Обь’, *kol'dy* (об.Ч.) ‘большая река, р. Обь’, *kβaj* (об.С.) ‘река, большая река’:

(11) *kažu* (об.Ш.) ‘протока’ [6. С. 34];

(12) *kaβsar* (кет.) ‘протока’ [6. С. 33]; *qapsar* (кет.) ‘протока’ [12. С. 17];

(13) *apu* (кет.) ‘протока’ [6. С. 17];

(14) *tēbigə* (кет.) ‘протока’ [13. С. 544];

(15) *taβ* (об.Ш.) ~ *tam* (тым.) ‘протока’ [6. С. 246, 248];

(16) *anga* I ~ *angu* (кет.) ‘старое русло реки (с затхлой водой, в которой задыхается рыба), старица’ [6. С. 15]; *ango* (об.С.) ‘старица’ [14. Т. 7. С. 265];

(17) *kōšənt'* (об.Ш.) ‘старое русло реки, старица’ [6. С. 52];

(18) *kužəre* (об.Ч.) ~ *kusarə* ~ *kuserə* ~ *kūsəra* (об.С.) ~ *kužere* (об.Ш.) ‘курья’, ‘старое русло реки, старица’ [6. С. 53].

Как следует из приведенной классификации, при обозначении рек для селькупов были значимы их следующие характеристики: размер, глубина, направление течения и его интенсивность, связь с болотами, озерами и другими реками, а также основной или придаточный статус водоема, т.е. все те параметры реки, которые были важны для безопасного передвижения по местности (прежде всего по рекам) и обеспечивали успешную промысловую деятельность селькупов, т.к. помогли им ориентироваться в пространстве.

Для обозначения озера в селькупском языке есть лексема *tōtū*. Слово (19) *tō* (об., кет., вас., тым.) ‘озеро’ [6. С. 240], *tū* (тым.) ‘озеро’ [6. С. 242], *tō* (с.-таз.)/*tū* (в.-таз.) ‘озеро’ [7. С. 39], *tō* (кет.) ‘озеро с истоком’ [14. Т. 7. С. 265], *to* (об.С.) ‘озеро карасевое’ [15. С. 38], как и слово *kj* (река), встречается во всех диалектах селькупского языка, что свидетельствует о его древних корнях. Данная лексема также участвует в образовании селькупских гидронимов. Например, *Пекл-то* ‘лосиное озеро’ [16. С. 98] и др.

При классификации обозначений озер можно выделить такие, которые отражали размер озера:

(20) *tōllaka* (таз.) ‘маленькое озеро’ [7. С. 39];

(21) *caqy* (таз.) ‘маленькое озеро, озерко’ [7. С. 39];

čagé (об.С.) ‘озеро’ [15. С. 37];

(22) *laša, ütyl'laša* (таз.) ‘небольшое озерко, лужа’ [7. С. 180];

(23) *tapsš* (таз.) ‘лужа, маленькое озерко’ [7. С. 203];

(24) *taqqa* (кет.) ‘озерушко, лужа, яма с водой’ [12. С. 70].

При наименовании озер учитывалось также непостоянное наличие озера на том или ином месте, как, например, в слове (26) *kagan* (об.С.) ‘каган (место, где вода периодически уходит)’ [6. С. 33].

В основе следующей подгруппы обозначений озер лежат такие признаки, как: форма озера и место нахождения водоема:

(19) *tō* (кет.) ‘озеро с истоком’ [14. Т. 7. С. 265];

(25) *akki /škkj* (таз.) ‘вытянутое озеро’ [7. С. 39];

akka (об.Ч., тым.) ‘протока’, ‘большое длинное озеро’, ‘старица’ [6. С. 13];

(27) *utyrmol'tollaka* (таз.) ‘озеро с волоком’ [7. С. 39];

(28) *čβor* (кет.) ‘озеро с протокой, озеро в долине реки’ [13. Т. 5. С. 469; 17. С. 8], *čβor* (об.С.) ‘озеро запорное’ [15. С. 37].

В наименованиях озер может быть отражен также промысловый интерес селькупов:

(18) *to* (об.С.) ‘озеро карасевое’ [15. С. 38];

(28) *čβor* (об.С.) ‘озеро запорное’ [15. С. 37], *čβor* (кет.) ‘озеро с протокой, озеро в долине реки’ [13. Т. 5. С. 469; 17. С. 8];

(29) *kaβājaj to* (об.Ш.) ‘линеевое озеро’ [6. С. 33].

Таким образом, при обозначении озер для селькупов были важны следующие характеристики водоема: раз-

мер, форма, местоположение, непостоянство наличия озера, а также промысловый интерес.

Исследователями селькупского языка зафиксировано несколько лексем со значением *болото*: (30) *n'ar* (кет.) 'болото топкое со мхом, где много прутьев' [14. Т. 7. С. 265], *n'ar* (об.Ш.) 'болото' [11. Т. 9. С. 20], *ńarj* (в.-таз.) 'болото' [7. С. 12], *n'ar* (об., вас., тым.) ~ *n'arj* ~ *n'arř* (кет.) 'болото', 'тундра' [6. С. 161] ~ *n'arž* (кет.) 'болото' [6. С. 162].

Селькупских гидронимов, называющих болота, сравнительно немного. Меньшее количество этих гидронимов (по сравнению с гидронимами, обозначающими озера и реки) при значительном числе заболоченных мест объясняется тем, что не все болота используются человеком, поэтому не все из них получили собственное наименование. Однако для описания заболоченной местности в селькупском языке существует целый ряд лексем, обозначающих различную степень заболоченности и виды заболоченных территорий.

Первая группа лексических обозначений болот свидетельствует о важности для носителей селькупского языка степени проходимости болот:

(31) *lypä* (с.-таз.) (в.-таз. *lympä*) 'трясина' [7. С. 61]; *lypä* (таз.) 'вязкое место в болоте' [7. С. 182];

(32) *ńop* (таз.) 'зыбун (болото)' [7. С. 26];

(33) *moqqä(pu)* (таз.) 'топь' [7. С. 61];

(34) *nāgurit* (кет.) 'трясина' [18. Т. 8. С. 742];

(35) *n'ür* (вас.) 'луг', 'болотистое место' [6. С. 159].

Признак наличия растительности также находит отражение при обозначении данного водного объекта:

(36) *požə* (кет.) 'чистое болото' [2; 14. Т. 7. С. 265]; *ponža* (кет.) 'безлесное болото, большое заболоченное место' [13. Т. 5. С. 477];

(37) *tassan* (кет.) 'болотишко с низким березняком' [11. С. 83], *ńassan*, *ńassanga* (кет.) 'болотишко с низким березняком' [12. С. 71];

(38) *kalžezag* (об.С.) 'сырое, топкое место, лесом обросло, лошадь туда не пойдет' [14. Т. 7. С. 265];

(39) *kalzi* (кет.) 'болото с деревьями' [12. С. 83], *kalža* (кет.) 'топкое кочковатое болото с древесной растительностью' [13. Т. 5. С. 467], *kalžə* (об.С.) ~ *kalž* (об.Ш.) ~ *kal'že* (кет.) 'кочка', 'топкое место с кочками' [6. С. 35].

При наименовании болота селькупы учитывали место его нахождения, например: (40) *sər* (таз.) 'заболоченный берег' [7. С. 110]; (41) *katij* (таз.) 'болото на месте старого русла' [7. С. 12].

Таким образом, как показал анализ лексем, обозначающих болото, селькупы отмечали при их наименовании проходимость болота, место его нахождения и наличие/отсутствие растительности.

Этимологический анализ селькупских слов показал, что лексем «болото», «озеро», «река» в уральских языках диахронически взаимосвязаны. От праураль-

ского слова **joke* 'река' образовалось прасамодийское слово **jaka* 'река', селькупский рефлекс которого *čaqj* (таз.) имеет значение 'болото, маленькое озеро' [19. С. 99; 20. С. 35]. Таким образом, от прауральского слова «река» произошло одно из селькупских наименований озера, болота.

Селькупское слово *kj* 'река', согласно этимологическому анализу, берет начало от ПС **kj* 'центр' [21], ПС **kj* 'середина' [20. С. 68], что соответствует отмеченному выше положению о том, что река была для селькупов «основной дорогой», «стержнем мироздания».

В словаре кетского диалекта селькупского языка зафиксированы лексем *kj* (кет.) 'река', *kj* (кет.) 'середина', *kj* (кет.): род. п. *kjn* 'счастье' [12. С. 29]. Следует обратить внимание на наличие в селькупском языке выражения *kisse ilik* (кет.) 'живи со счастьем', а также слова *kjzoj* (кет.) 'счастливый', производного от *kj* (кет.): род. п. *kjn* 'счастье' [12. С. 29]. Исходя из этимологического анализа селькупского слова *kj* 'река', фонетическое совпадение указанных слов кетского диалекта едва ли можно назвать случайным. Таким образом, представляется возможным констатировать в селькупском языке определенную взаимосвязь между значениями «река», «центр», «счастье».

Лексеме *kj* можно придать статус родового слова по отношению к другим обозначениям рек в селькупском языке, т.к. оно, во-первых, имеет древние корни и, во-вторых, как было отмечено выше, наряду со словом *kige* чаще других наименований водоемов, участвует в образовании селькупских гидронимов. По мнению Е. Хелимского, форма *kige* 'речка' является диминутивной формой слова *kj* 'река' [21].

Селькупское слово *to*, *tū* 'озеро' произошло от ПС **to* 'озеро' [20. С. 164] < ПУ **towV* 'озеро, пруд' [19. С. 533]. Рефлексы этой лексем в значении 'озеро' сохранились во всех языках самодийской ветви уральской языковой семьи: нганас. *türku*, энецк. *to*, юракск. *to*, нен. (тундр.) *tō*, нен. (лесн.) *tō*, камас. *tu*, койб. *tō*, матор. *toa*, тавг. *to* [20. С. 164].

Селькупская лексема *ńär* (таз. тым.) 'болото, заросшее редким лесом, тундра', *ńjär* (кет.) 'болото, тундра' восходит корнями к прауральскому слову **ńore* 'болото' [19. С. 324], 'влажность' [21].

Древнее происхождение и частотность употребления слов *tō*, *ńär* при описании местности свидетельствуют о том, что данные слова являются родовыми по отношению к другим наименованиям водоемов в селькупском языке.

Интересен тот факт, что, кроме слов, называющих реки, озера, болота, в селькупском языке есть слова, обозначающие море. Это слова *morə* (об.Ч.) [6. С. 130] и *tazi* (об.Ч.) [6. С. 227]. Однако для селькупов море не относится к миру реальному, оно – часть мира потустороннего, а

«край моря», то, что «за морем», находится ещё в более дальнем мифологическом пространстве [22. С. 76].

Слово *morə* заимствовано из русского языка, а слово *tuzi* произошло от наименования одной из важнейших рек – р. Таз. Селькупы проживают на р. Таз несколько столетий, поэтому, вероятнее всего, слово *tuzi* также не принадлежит исконной лексике селькупского языка. Исконного селькупского слова со значением *море* не зафиксировано. Стоит отметить, что в диалектном селькупско-русском словаре под редакцией В.В. Быконя представлена лексема *n'assı* (кет.) 'море' [6. С. 162], однако её отсутствие в других диалектах указывает на то, что данное слово, возможно, было заимствовано. Кроме того, в тазовском диалекте селькупского языка есть слово *cāntys, cāsy* (таз.) 'морской залив' [7. С. 25]. Это рефлекс слова ПС **jāntas* 'Енисей', возникший в тымско-ваховский период истории тазовских селькупов [23]. Таким образом, наименование реки Енисей также сыграло свою роль в образовании одного из слов со значением «море» в селькупском языке.

Обращает на себя внимание тот факт, что в селькупском языке не представлены слова со значением «плотина», «канал». Отсутствие данных лексем, указывающих на преобразующую деятельность человека в окружающей среде, свидетельствует о том, что для селькупов водные объекты – часть природы, а не объекты преобразования. Культура селькупов генетически восходит к тому прототипу человеческой культуры, носители которой не преобразовывали природу (например, не корчевали лес для земледелия, не держали домашних животных), не подчиняли её себе (строя, например, дороги, каналы, плотины), а «максимально приспособивались к вмещающему их пространству. Они воспринимали природу как высшую данность, обладающую незыблемым совершенством, где любые «исправления» её немислимы и недопустимы» [24. С. 76]. Селькупы не рыли каналы, не строили плотины. Вода воспринималась ими, в первую очередь, как среда обитания рыб, животных, растений, а также как место промысловой деятельности – рыболовства.

В селькупском языке также не представлена лексема со значением «водоем», однако существует разветвлённая система обозначений разнообразных видов рек, озёр и болот, что свидетельствует о своеобразном отражении реалий окружающего мира в сознании селькупов, для которых «по восприятию и функционированию» [25] каждый водный объект (река, озеро, болото) отличался от другого и получал обозначение в языке в соответствии со своими характерными особенностями, которые обуславливали его значимость (например, промысловую, транспортную и т.д.) в жизни селькупов.

Ср. в этой связи положение К. Леви-Стросса о том, что есть языки, в которых отсутствуют слова для выражения таких понятий, как, например, дерево или животное, хотя в них можно найти все необходимые слова для подробного инвентаря видов и разновидностей [26. С. 113]. Аналогично в селькупском языке представлены виды и разновидности рек, озёр и болот. Подобные примеры свидетельствуют о различной концептуализации окружающего мира, отличающейся от этноса к этносу. Особенности концептуализация, в свою оче-

редь, определяются спецификой бытия того или иного народа и его жизненными потребностями.

Ценность системы обозначения водных объектов селькупского языка подтверждается тем фактом, что некоторые из них были заимствованы в русский язык – в русские сибирские старожильческие говоры. Это, например, следующие слова:

Чвор – ложбина, идущая к реке (от селькупского слова *čvor* (см. выше)) [27. С. 648];

Поньжа – болото на безлесном месте; высохшее место на болоте (от селькупского слова *ponža* (см. выше)) [27. С. 453];

Кальджа – низина, заболоченная низменность (обычно на берегу реки), место, заросшее раkitником (от селькупского слова *kalža* (см. выше)) [27. С. 243].

Анга – рукав реки, старое русло реки, протока (*занга* – место за протокой) (от селькупского *anga* (см. выше)) [27. С. 87] и другие слова.

Данные и другие заимствования вошли в научный обиход, стали частью географической терминологии русского языка и встречаются в качестве географических терминов на картах Сибири. Использование селькупских обозначений заменяло в ряде случаев многословное описание природных объектов и удерживало от создания искусственных терминов, поэтому «наука во многом обязана тонкой наблюдательности аборигенов, создавших стройную и обоснованно дифференцированную систему наименований, разграничивающих природные объекты по их наиболее характерным особенностям» [9. С. 3].

Проведённый анализ лексических единиц селькупского языка, обозначающих водные объекты, показал, что для селькупского этноса представлялось значимым выделение в водном пространстве не только трёх типов водных объектов – озёр, рек и болот, но и их разнообразных видов. Подобная дифференциация рек, озёр и болот и их детальная характеристика по конкретным признакам, которая нашла свое отражение в лексической подсистеме селькупского языка, объясняются условиями бытия селькупов, необходимостью выживать и приспособиваться к окружающей среде.

При обозначении рек для селькупов были значимы следующие параметры: размер, глубина, направление течения и его интенсивность, связь с болотами, озерами и другими реками, а также основной или придаточный статус водоема, т.е. все те характеристики, которые были важны для безопасного передвижения по рекам и успешной промысловой деятельности.

При наименовании озёр селькупы выделяли такие характеристики водоёма, как: размер, форма, местоположение, непостоянство наличия озера, а также промысловый интерес. В лексемах, обозначающих болото, селькупы отмечали при их наименовании проходимость болота, место его нахождения и наличие/отсутствие растительности.

Приведённая классификация водных объектов селькупского языка позволяет показать как общие, так и отличительные признаки, характеризующие каждый из анализируемых водоемов: размер водного объекта отмечен как при обозначении рек, так и озёр; место нахождения водоема значимо при наименовании и озёр, и болот.

Среди названных водоемов наиболее жизненно важным для селькупского этноса являлась река, которая была не только источником существования, как озеро (место рыбной ловли) и болото (место сбора ягод), но и транспортной артерией. Тот факт, что река играла центральную (ключевую) роль в жизни селькупов, подтверждает и этимологический анализ лексемы *kj* 'река', которая произошла не от прауральского слова **joke* со значением 'река', а от ПС **kj* 'центр' [20. С. 68; 21]. Также как и лексема *kj* к прауральским основам восходят своими корнями и слова *tō*, *nār*. Данные лексемы являются родовыми по отношению к рассмотренным в статье селькуп-

ским обозначениям разнообразных видов рек, озер и болот.

Установленная в ходе анализа значений лексических единиц, репрезентирующих водные объекты в селькупском языке, детализация его денотативной сферы свидетельствует о том, что в соответствующем сегменте сознания представителей селькупского этноса задействовано больше когнитивных классификаторов, чем, например, у представителей русского этноса.

Именно поэтому водные объекты выступают для селькупов в качестве своего рода фокусных точек – ориентиров в окружающем пространстве, которые помогают им упорядочивать и осмысливать окружающую среду и свое бытие в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kibrik A.E. The problem of endangered languages in the USSR // *Endangered languages*. Oxford; New York, 1991. P. 37–51.
2. *Полевые записи* (фонд Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ) / Сост. Н.Л. Иванова. Томск, 2008 (в рукописи).
3. Леманн К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) // *Вопросы языкознания*. 1996. № 2. С. 180–191.
4. *Языки и письменность народов севера*. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / Под ред. Г.Н. Прокофьева. М.: СПб.: Гос. учеб.-метод. изд-во, 1937.
5. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушикина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1.
6. Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005.
7. Казакевич О.А., Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3: Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари / Под ред. А.И. Кузнецовой. М.: Изд-во МГУ, 2002.
8. *Полевые записи* (фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ) / Сост. А.П. Дульзон. Томск: ТГПУ, 1952. Т. 1.
9. Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986.
10. *Народы Западной Сибири*: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005.
11. *Алатало Я.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский на кетском диалекте селькупского языка. Максимкин Яр-Хельсинки: Национальный Клуб Максимоярочка, 1998.
12. *Полевые записи* (фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ) / Сост. А.П. Дульзон. Томск: ТГПУ, 1962. Т. 5.
13. *Полевые записи* (фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ) / Сост. А.П. Дульзон. Томск: ТГПУ, 1962. Т. 7.
14. *Южноселькупский словарь* Н.П. Григоровского / Сост. Е. Хелимский. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007.
15. Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? // *Земля колпашевская: Сб. науч.-популярных очерков* / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 76–103.
16. *География Томской области* / Сост. Н.С. Евсеева, А.М. Малолетко. Томск: Изд-во ТГУ, 2001.
17. *Полевые записи* (фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ) / Сост. А.П. Дульзон. Томск: ТГПУ, 1962. Т. 9.
18. *Полевые записи* (фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ) / Сост. А.П. Дульзон. Томск: ТГПУ, 1962. Т. 8.
19. Rédei K. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1988. Bd. 1.
20. *Janhunen*. Juha Samojedischer Wortschatz. Helsinki. 1977.
21. Helimski E. MARGINALIA AD UEW (Notizen zu KÁROLY RÉDEIS Uralisches Etymologisches Wörterbuch). URL: [www.helimski.com/Marginalia ad UEW/](http://www.helimski.com/Marginalia_ad_UEW/) (10.12.2008).
22. *Мифология селькупов* / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак / Науч. ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2004.
23. Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические параллели. М., 2007.
24. Тучкова Н.А. О селькупах Парабельского района // *Земля парабельская: Сб. науч.-популярных очерков к 400-летию Нарыма* / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 76–93.
25. Уорф Б.Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // *Наука и языкознание. Новое в лингвистике*. М., 1960. Вып. 1. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/uorf_nauk.php (21.06.2008).
26. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
27. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ел. – елогуйский говор
кет. – кетский диалект
об.Ш. – говоры обских Шешкумов
об.Ч. – говоры обских Чумылькупов
об.С. – говоры обских Сюсюгумов
таз. – тазовский диалект
в.-таз. – верхне-тазовский говор
с.-таз. – средне-тазовский говор
тур. – туруханский диалект
тым. – тымский диалект

Информанты: Саиспаев Георгий Арсентьевич, 1938 г.р., дер. Костарево, Парабельский район, Томская область; Найков Петр Иннокентьевич, 1942 г.р., с. Нарым, Парабельский район, Томская область; Мартынов Яков Яковлевич, 1930 г.р., с. Нарым, Парабельский район, Томская область; Коробейникова Ирина Анатольевна, 1951 г.р., с. Парабель, Томская область.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 сентября 2009 г.